

Куприн Александр Иванович

**Полное собрание сочинений А.И.
Куприна**

Том 9

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А46

А46 **Александр Иванович К.**
Полное собрание сочинений А.И. Куприна: Том 9 / Куприн Александр Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 282 с.

ISBN 978-5-519-91817-6

В книге также. Сны; Фиалки; Сад Пречистой Девы; Два святителя

ISBN 978-5-519-91817-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Я М А.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

До сихъ поръ еще, спусти десять лѣтъ, вспоминаютъ бывшіе обитатели Ямковъ тотъ обильный несчастными, грязными, кровавыми событіями годъ, который начался рядомъ пустяковыхъ маленькихъ скандаловъ, а кончился тѣмъ, что администрація въ одинъ прекрасный день взяла и разорила до тла старинное, насиженное, ею же созданное гнѣздо законенной проституціи, разметавъ его остатки по больницамъ, тюрьмамъ и улицамъ большого города. До сихъ поръ еще немногія, оставшіяся въ живыхъ, прежнія, въ конецъ одряхлѣвшія хозяйки и жирныя, хриплыя, какъ состарѣвшіеся мошсы, бывшія экономки вспоминаютъ объ этой общей гибели со скорбью, ужасомъ и глупымъ недоумѣніемъ.

Точно картофель изъ мѣшка посыпались драки, грабежи, болѣзни, убійства и самоубійства, и, казалось, никто въ этомъ не былъ виновенъ. Просто-напросто всѣ злоключенія сами собою стали учащаться, наворачиваться другъ на друга, шириться и расти, подобно тому, какъ маленькій снѣжный комочекъ, толкаемый ногами ребятъ, самъ собою, отъ прилипающаго къ нему талаго снѣга становится все больше,

больше, вырастаетъ выше человѣческаго роста и наконецъ, однимъ послѣднимъ небольшимъ усиленіемъ свертывается въ оврагъ и скатывается внизъ огромной лавиной. Старыя хозяйки и экономки, конечно, никогда не слыхали о рокѣ, но внутренне, душою, онѣ чувствовали его таинственное присутствіе въ неотвратимыхъ бѣдахъ того ужаснаго года.

И, правда, повсюду въ жизни, гдѣ люди связаны общими интересами, кровью происхожденія или выгодами профессіи въ тѣсныя, обособленныя группы,—тамъ непременно наблюдается этотъ таинственный законъ внезапнаго накопленія, нагроможденія событій, ихъ эпидемичность, ихъ странная преемственность и связность, ихъ непонятная длительность. Это бываетъ, какъ давно замѣтила народная мудрость, въ отдѣльныхъ семьяхъ, гдѣ болѣзнь или смерть вдругъ нападаетъ на близкихъ неотвратимымъ загадочнымъ чередомъ. „Бѣда одна не ходитъ“. „Пришла бѣда—отворяй ворота“. Это замѣчается также въ монастыряхъ, банкахъ, департаментахъ, полкахъ, учебныхъ заведеніяхъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ, подолгу не измѣняясь, чуть не десятками лѣтъ жизнь течетъ ровно, подобно болотистой рѣчкѣ, и вдругъ, послѣ какого-нибудь совсѣмъ незначительнаго случая начинаются переводы, перемѣщенія, исключенія изъ службы проигрыши, болѣзни. Члены общества, точно сговорившись, умираютъ, сходятъ съ ума, проворываются, стрѣляются или вѣшаются, освобождается вакансія за вакансіей, повышенія слѣдуютъ за повышеніями, вливаются новые элементы, и, смотришь, черезъ два года нѣтъ на мѣстѣ никого изъ прежнихъ людей; все новое, если только учрежденіе не распалось окончательно, не расплзлось вкось. И не та ли же самая удивительная судьба постигаетъ громадныя общественныя, міровыя организаціи—города, государства, народы, страны и, почему знать, даже, можетъ-быть, цѣлыя планетныя міры?

Нѣчто, подобное этому непостижимому року, пронеслось

и падъ Ямской слободой, приведи ее къ быстрой и скандальной гибели. Теперь вмѣсто буйныхъ Ямковъ осталась мирная будничная окраина, въ которой живутъ огородники, кошатники, татары, свиноводы и мясники съ ближнихъ боенъ. По ходатайству этихъ почтенныхъ людей даже самое названіе Ямской слободы, какъ позорящее обывателей своимъ прошлымъ, переименовано въ Голубевку, въ честь купца Голубева, владѣльца колониальнаго и гастрономическаго магазина, ктитора мѣстной церкви.

Первые подземные толчки этой катастрофы начались въ разгарѣ лѣта, во время ежегодной лѣтней ярмарки, которая въ этомъ году была сказочно-блестяща. Ея необычайному успѣху, многолюдству и огромности заключенныхъ на ней сдѣлокъ способствовали многія обстоятельства: постройка въ окрестностяхъ трехъ новыхъ сахарныхъ заводовъ и необыкновенно обильный урожай хлѣба и въ особенности свекловицы; открытіе работъ по проведенію электрическаго трамвая и канализаціи; сооруженіе новой дороги на разстояніе въ 750 верстъ; главное же—строительная горячка, охватившая весь городъ, всѣ банки и другія финансовыя учрежденія и всѣхъ домовладѣльцевъ. Кирпичные заводы росли на окраинѣ города, какъ грибы. Открылась грандіозная сельскохозяйственная выставка. Возникли два новыхъ пароходства, и они, вмѣстѣ со старинными, прежними, неистово конкурировали другъ съ другомъ, перевозки грузъ и богомольцевъ. Въ конкуренціи они дошли до того, что понизили цѣны за рейсы съ семидесяти пяти копеекъ для третьяго класса до пяти, трехъ, двухъ и, наконецъ, одной копейки. Наконецъ, изнемогая въ непосильной борьбѣ, одно изъ пароходныхъ обществъ предложило всѣмъ пассажирамъ третьяго класса даровой проѣздъ. Тогда его конкурентъ тотчасъ же къ даровому проѣзду присовокупилъ еще полбулки бѣлаго хлѣба. По самымъ большимъ и значительнымъ предпріятіемъ этого года было оборудованіе об-

пирнаго рѣчнаго порта, привлекшее къ себѣ сотни тысячъ рабочихъ и стоимшее Богъ знаетъ какихъ денегъ.

Надо еще прибавить, что городъ въ это время справлялъ тысячелѣтнюю годовщину своей знаменитой лавры, наиболѣе чтимой и наиболѣе богатой среди всѣхъ монастырей Россіи. Со всѣхъ концовъ Россіи, изъ Сибири, отъ береговъ Ледовитаго океана, съ крайняго юга отъ Чернаго и Каспійскаго морей, собрались туда безчисленные богомольцы на поклоненіе мѣстнымъ святынямъ, лаврскимъ угодникамъ, почивающимъ глубоко подъ землею, въ известковыхъ пещерахъ. Достаточно только сказать, что монастырь давалъ пріютъ и кое-какую пищу сорока тысячамъ человѣкъ ежедневно, а тѣ, которымъ не хватало мѣста, лежали по ночамъ вповалку, какъ дрова, на обширныхъ дворахъ и улицахъ лавры.

Это было какое-то сказочное лѣто. Населеніе города увеличилось чуть ли не втрое всякимъ пришлымъ народомъ. Каменщики, плотники, маляры, инженеры, техники, иностранцы, земледѣльцы, маклеры, темные дѣльцы, рѣчные моряки, праздные бездѣльники, туристы, воры, шулеры — всѣ они переполнили городъ, и ни въ одной, самой грязной сомнительной гостиницѣ не было свободнаго номера. За квартиры платились бѣшенныя цѣны. Биржа играла широко, какъ никогда ни до ни послѣ этого лѣта. Деньги миллионами такъ и текли ручьями изъ однихъ рукъ въ другія, а изъ этихъ въ третьи. Создавались въ одинъ часъ колоссальныя богатства, но зато многія прежнія фирмы лопались, и вчерашніе богачи обращались въ нищихъ. Самые простые рабочіе купались и грѣлись въ этомъ золотомъ потокѣ. Портовые грузчики, ломовики, дрогали, катали, подносики кирпичей и землекопы до сихъ поръ еще помнятъ, какія суточные деньги они зарабатывали въ это сумасшедшее лѣто. Любой босыкъ при разгрузкѣ баржъ съ арбузами получалъ не менѣе четырехъ-пяти рублей

въ сутки. И вся эта шумная чужая шайка, одурманенная легкими деньгами, опьяненная чувственной красотой старинного прелестнаго города, очарованная сладостной теплотой южныхъ ночей, напоенныхъ вкрадчивымъ ароматомъ бѣлой акаціи, — эти сотни тысячъ ненасытныхъ разгульныхъ звѣрей во образѣ мужчинъ, всей своей массовой волей, кричали: „женщину!“.

Въ одинъ мѣсяцъ возникло въ городѣ нѣсколько десятковъ новыхъ увеселительныхъ заведеній—шикарныхъ Тиволи, Шато-де-Флеровъ, Олимпій, Альказаровъ и т. д. съ хоромъ и съ опереткой, много ресторановъ и портерныхъ, съ лѣтними садиками, и простыхъ кабачковъ—въблизи строящагося порта. На каждомъ перекресткѣ открывались ежедневно „фіалочныя заведенія“,—маленькіе досчатые балаганчики, въ каждомъ изъ которыхъ, подъ видомъ продажи кваса, торговали собою тутъ же рядомъ за перегородкой изъ шелеевъ по двѣ, по три старыхъ дѣвки, и многимъ матерямъ и отцамъ тяжело и памятно это лѣто по унизительнымъ болѣзнямъ ихъ сыновей, гимназистовъ и кадетовъ. Для прїѣзжихъ случайныхъ гостей потребовалась прислуга, и тысячи крестьянскихъ дѣвушекъ потянулись изъ окрестныхъ деревень въ городъ. Неизбѣжно, что спросъ на проституцію сталъ необыкновенно высокимъ. И вотъ, изъ Варшавы, изъ Лодзи, изъ Одессы, изъ Москвы и даже изъ Петербурга, даже изъ-за границы наѣхало безчисленное множество шикарныхъ иностранокъ, кокотокъ русскаго издѣлія и самыхъ обыкновенныхъ рядовыхъ проститутокъ. Властно сказалось развращающее вліяніе сотенъ милліоновъ шальныхъ денегъ. Этотъ водопадъ золота какъ будто захлестнулъ, завертѣлъ и потопилъ въ себѣ весь городъ. Число кражъ и убійствъ возросло съ поражающей быстротой. Полиція, собранная въ усиленныхъ размѣрахъ, терялась и сбивалась съ ногъ. Но и то нужно сказать, что, обкормившись обильными взятками, она походила на сытаго

удава, поневоле соннаго и лѣниваго. Людей убивали ни за что ни про что, такъ себѣ. Случалось, просто подходили среди бѣла дня гдѣ-нибудь на малолюдной улицѣ къ человѣку и спрашивали: „Какъ твоя фамилія?“ — Ѳедоровъ. — „Ага, Ѳедоровъ? Такъ получай!“ — и распарывали ему животъ ножомъ. Такъ въ городѣ и прозвали этихъ шалуновъ „подкалывателями“, и были между ними имена, которыми какъ будто бы гордилась городская хроника: Полищуки, два брата (Митька и Дундасъ), Володка-Грекъ, Ѳедоръ Миллеръ, капитанъ Дмитріевъ, Сивохо, Добровольскій, Пшачекъ и многіе другіе.

И днемъ и ночью на главныхъ улицахъ ошалѣвшаго города стояла, двигалась и орала толпа, точно на пожарѣ. Почти невозможно было описать, что дѣлалось тогда на Ямкахъ. Несмотря на то, что хозяйки увеличили болѣе, чѣмъ вдвое составъ своихъ паціентокъ и втрое увеличили цѣны, эти бѣдныя обезумѣвшія дѣвушки не успѣвали удовлетворять требованіямъ пьяной шальной публики, швырявшей деньгами, какъ щепками. Случалось, что въ переполненной народомъ залѣ, гдѣ было тѣсно, какъ на базарѣ, каждую дѣвушку дожидалось по семи, восьми, иногда даже по десяти человѣкъ. Было, поистинѣ, какое-то сумасшедшее, пьяное, припадочное время.

Съ него-то и начались всѣ злключенія Ямковъ, приведшія ихъ къ гибели. А вмѣстѣ съ Ямками погибъ и знакомый намъ домъ толстой, старой, блѣдноглазой Анны Марковны.

II.

Пассажирскій поѣздъ весело бѣжалъ съ юга на сѣверъ, пересѣкая золотыя хлѣбныя поля и прекрасныя дубовыя рощи, съ грохотомъ проносясь по желѣзнымъ мостамъ надъ свѣтлыми рѣчками, оставляя послѣ себя крутящіеся клубы дыма.

Въ купѣ второго класса, даже при открытомъ окнѣ, стояла страшная духота и было жарко. Запахъ сѣрнаго дыма першилъ въ горлѣ. Качка и жара совсѣмъ утомили пассажировъ, кромѣ одного, веселаго, энергичнаго, подвижнаго еврея, прекрасно одѣтаго, услужливаго, общительнаго и разговорчиваго. Онъ ѣхалъ съ молодой женщиной, и сразу было видно, особенно по ней, что они молодожены: такъ часто ея лицо вспыхивало неожиданной краской при каждой, самой маленькой нѣжности мужа. И когда она поднимала свои рѣсницы, чтобы взглянуть на него, то глаза ея сіяли, какъ звѣзды, и становились влажными. И лицо ея было такъ прекрасно, какъ бываютъ только прекрасны лица у молодыхъ влюбленныхъ еврейскихъ дѣвушекъ, — все нѣжно-розовое, съ розовыми губами, прелестно-невинно дчерченными, и съ глазами такими черными, что на нихъ нельзя было различить зрачка отъ райка.

Не стѣсняясь присутствію трехъ постороннихъ людей, онъ поминутно расточалъ ласки, и, надо сказать, довольно грубыя, своей спутницѣ. Съ безцеремонностью обладателя, съ тѣмъ особеннымъ эгоизмомъ влюбленнаго, который какъ будто бы говорить всему міру: „посмотрите, какъ мы счастливы,—вѣдь это и васъ дѣлаетъ счастливыми, не правда ли?“ — онъ то гладилъ ее по ногѣ, которая упруго и рельефно выдѣлялась подъ платьемъ, то цинялъ ее за щеку, то щекоталъ ей шею своими жесткими черными, завитыми кверху усами... Но хотя онъ и сверкалъ отъ восторга, однако что-то хищное, опасливое, безпокойное мелькало въ его часто моргавшихъ глазахъ, въ подергиваніи верхней губы и въ жесткомъ рисункѣ его бритаго, выдвинувагося впередъ квадратнаго подбородка, съ едва замѣтнымъ угибомъ посрединѣ.

Противъ этой влюбленной парочки помѣщались трое пассажировъ: отставной генералъ, сухенькій, опрятный старичокъ, нафиксатуаренный, съ начесанными напередъ ви-

сочками; толстый помѣщикъ, снявшій свой крахмальный воротникъ и все-таки задыхавшійся отъ жары и поминутно вытиравшій мокрое лицо мокрымъ платкомъ, и молодой пѣхотный офицеръ. Безконечная разговорчивость Семена Яковлевича (молодой человѣкъ уже успѣлъ увѣдомить сосѣдей, что его зовутъ Семенъ Яковлевичъ Горизонтъ) немного утомляла и раздражала пассажировъ, точно жужжаніе мухи, которая въ знойный лѣтній день ритмически бьется объ оконное стекло закрытой душной комнаты. Но онъ все-таки умѣлъ подымать настроеніе: показывалъ фокусы, рассказывалъ еврейскіе анекдоты, полные тонкаго, своеобразнаго юмора. Когда его жена уходила на платформу освѣжиться, онъ рассказывалъ такія вещи, отъ которыхъ генералъ расплывался въ блаженную улыбку, помѣщикъ ржалъ, колыхая черноземнымъ животомъ, а подпоручикъ, только годъ выпущенный изъ училища, безусый мальчикъ, едва сдерживая смѣхъ и любопытство, отворачивался въ сторону, чтобы сосѣди не видѣли, что онъ краснѣетъ.

Жена ухаживала за Горизонтомъ съ трогательнымъ наивнымъ вниманіемъ: вытирала ему лицо платкомъ, обмахивала его вѣеромъ, поминутно поправляла ему галстукъ. И лицо его въ эти минуты становилось смѣшно-надменнымъ и глупо-самодовольнымъ.

— А позвольте узнать,—спросилъ, вѣжливо покашливая, сухенькій генералъ.—Позвольте узнать, почтеннѣйшій, чѣмъ вы изволите заниматься?

— Ахъ, Боже мой! — съ милой откровенностью возразилъ Семенъ Яковлевичъ.—Ну, чѣмъ можетъ заниматься въ наше время бѣдный еврей? Я себѣ немножко коммивояжеръ и комиссіонеръ. Въ настоящее время я далекъ отъ дѣла. Вы, хе! хе! хе! сами понимаете, господа. Медовый мѣсяцъ,—не краснѣй, Сарочка,—это вѣдь не по три раза въ годъ повторяется. Но потомъ мнѣ придется очень много

ѣздить и работать. Вотъ мы пріѣдемъ съ Сарочкой въ городъ, нанесемъ визиты ея родственникамъ, и потомъ опять въ путь. На первый вояжъ я думаю взять съ собой жену. Знаете, въ родѣ свадебнаго путешествія. Я представитель Сидриса и двухъ англійскихъ фирмъ. Не угодно ли поглядѣть: вотъ со мной образчики...

Онъ очень быстро досталъ изъ маленькаго, красиваго, желтой кожи чемодана нѣсколько длинныхъ картонныхъ складныхъ книжечекъ и съ ловкостью портного сталъ разворачивать ихъ, держа за одинъ конецъ, отчего створки ихъ быстро падали внизъ съ легкимъ трескомъ.

— Посмотрите, какіе прекрасные образцы: совсѣмъ не уступаютъ заграничнымъ. Обратите вниманіе. Вотъ, напримеръ, русское, а вотъ англійское трико, или вотъ кангаръ и шевіотъ. Сравните, пощупайте, и вы убѣдитесь, что русскіе образцы почти не уступаютъ заграничнымъ. А вѣдь это говоритъ о прогрессѣ, о ростѣ культуры. Такъ что совсѣмъ напрасно Европа считаетъ насъ, русскихъ, такими варварами .

— Итакъ, мы нанесемъ наши семейные визиты, посмотримъ ярмарку, побываемъ себѣ немножко въ Шато-де-Флеръ, погуляемъ, пофланируемъ, а потомъ на Волгу внизъ до Царицына, на Черное море, по всѣмъ курортамъ и опять къ себѣ на родину, въ Одессу.

— Прекрасное путешествіе, — сказалъ скромно подпоручикъ.

— Чтò и говорить, прекрасное, — согласился Семень Яковлевичъ, — но нѣтъ розы безъ шиповъ. Дѣло коммивояжера чрезвычайно трудное и требуетъ многихъ знаній, и не такъ знаній дѣла, какъ знаній, какъ бы это сказать... человѣческой души. Другой человѣкъ и не хочетъ дать заказа, а ты его долженъ уговорить, какъ слона, и до тѣхъ поръ уговариваешь, покамѣстъ онъ не почувствуетъ ясности и справедливости твоихъ словъ. Потому

что я берусь только исключительно за дѣла совершенно чистыя, въ которыхъ нѣтъ никакихъ сомнѣній. Фальшиваго или дурного дѣла я не возьму, хотя бы мнѣ за это предлагали милліоны. Спросите гдѣ угодно, въ любомъ магазинѣ, который торгуетъ сукнами или подтяжками Глуаръ—я тоже представитель этой фирмы, — или пуговицами Геліосъ,—вы спросите только, кто такой Семень Яковлевичъ Горизонтъ, и вамъ каждый отвѣтитъ: „Семень Яковлевичъ,—это не человѣкъ, а золото, это человѣкъ безкорыстный, брильянтовой честности“. — И Горизонтъ уже разворачивалъ длинныя коробки съ патентованными подтяжками и показывалъ блестящіе картонные листики, устроенные правильными рядами разноцвѣтныхъ пуговицъ.

— Бываютъ большія непріятности, когда мѣсто избыто, когда до тебя являлось много вояжеровъ. Тутъ ничего не сдѣлаешь: даже тебя совсѣмъ не слушаютъ, только махаютъ себѣ руками. Но это только для другихъ. Я — Горизонтъ! Я сумѣю его уговорить, какъ верблюда отъ господина Фальцфейна изъ Новой Асканіи. Но еще непріятнѣе бываетъ, когда сойдутся въ одномъ городѣ два конкурента по одному и тому же дѣлу. Да и еще хуже бываетъ, когда какой-нибудь шмаровозъ и самъ не сможетъ ничего и тебѣ же дѣло портить. Тутъ на всякія хитрости пускаешься: напоишь его пьянымъ или пустишь куда-нибудь по ложному слѣду. Нелегкое ремесло! Кромѣ того, у меня еще есть одно представительство — это вставные глаза и зубы. Но дѣло невыгодное. Я хочу его бросить. Да и всю эту работу подумываю оставить. Я принимаю, хорошо порхать, какъ мотылекъ, человѣку молодому, въ цвѣтѣ силъ, но разъ имѣешь жену, а можетъ-быть, и цѣлую семью...—онъ игриво похлопалъ по ногѣ женщину, отчего та сдѣлалась пунцовой и необыкновенно похорошѣла. — Вѣдь настъ, евреевъ, Господь одарилъ за всѣ наши несчастія плодородіемъ... То хочется имѣть какое-нибудь собственное дѣло,